

Александр Мазин
Анна Гурова

МОЙ ДРУГ ТРОЛЛЬ

Малышка и Карлссон
«Пицца, молчать!»
Мумия и Тролль

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М13

Художник обложки: *В. Гурков*

Макет подготовлен редакцией  АСТРЕЛЬ СПб

Мазин, Александр Владимирович; Гурова, Анна Евгеньевна
М13 **Мой друг Тролль: Малышка и Карлссон. «Пища, молчать!».**
Мумия и Тролль / Александр Мазин, Анна Гурова.— Мос-
ква: АСТ, 2015.— 973, [1] с.

ISBN 978-5-17-090061-9

Ее зовут Катя. Ей семнадцать. Она приехала в Питер из Пскова поступать в университет.

Его зовут Карлссон. Его возраст неизвестен. Он ловит руками голубей, знает староанглийский язык и умеет лазать по вертикальным стенам.

Сначала она думает: он — киллер...

Потом: он — сотрудник некоей секретной службы...

Действительность оказывается намного страшнее.

И намного интереснее...

Подписано в печать 20.02.15
Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 61,0
Тираж 2000. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Александр Мазин, 2008, 2011
© Анна Гурова, 2008, 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Малышка и Карлссон

Пролог

Скрипнула оконная рама, затем раздался негромкий шлепок об пол, еле слышный. Спрыгнувший с подоконника был нечеловечески ловок.

За окном было темно. Ночь.

В квартире еще темнее, но влезший в окно в свете не нуждался.

Тот, к кому он пришел,— тоже.

— Я здесь,— раздалось из глубины квартиры.

Пришедший пересек комнату и вышел в коридор. Ему пришлось наклониться, чтобы не задеть притолоку.

Хозяин ждал в соседней комнате.

— Принес? — спросил он.

— Нет,— гость опустился на корточки. Теперь его глаза были на одном уровне с сидящим на диване хозяином.

— Почему?

— Это не та.

— Я решаю, та это или не та,— негромко произнес хозяин.

— Ты сам сказал: светловолосая девица, юная, не старше двадцати, а этой почти тридцать, и волосы крашенные.

— Ты уверен?

— Я видел тело. Близко.

— Насколько близко?

— Близко. Я принес тебе волосы.

— Мне не нужны волосы мертвой девушки,— недовольно произнес хозяин.— Мне нужен след.

— Это большой город,— проворчал тот, кто пришел.— Здесь каждый день умирает множество людишек.

— Юная девица со светлыми волосами,— сказал хозяин.— Разве таких много среди свежих мертвецов?

— Среди живых — больше,— тот, кто пришел, облизнул губы.

— Живых оставь мне,— отрезал хозяин.

— Я голоден,— напомнил гость.

— Я тоже,— холодно произнес хозяин.— Иди. И принеси то, что мне нужно. Ты будешь вознагражден.

Гость поднялся и бесшумно выскользнул из комнаты.

Хозяин посмотрел в запыленное окно. Там было темно — белые ночи наконец кончились. Хозяин не любил белые ночи. Особенно те, которые приходились на солнцеворот.

Глава первая

О том, как Катю предали партизаны

Как-то утром один шотландский тролль спустился к озеру — поискать утопленника на завтрак. Но вытянул вместо утопленника золотую рыбку.

— Отпусти меня, тролль,— просит рыбка.— Отпустишь меня — будут тебе три желания.

Поглядел тролль на рыбку: мелкая, да вдобавок еще металлическая. Только зубы портить... И выбросил ее обратно в озеро.

— Эй! — кричит из озера рыбка.— А три желания?

Тролль брюхо почесал, подумал.

— Ну,— говорит,— ты совсем обнаглела! Ладно, загадывай!

Катя почему-то ожидала, что экзаменаторов будет не меньше пяти человек, однако экзамен принимали всего двое: тетка средних лет с худым замученным лицом и какой-то чернявый парень — наверно, аспирант или вообще старшекурсник, который с ходу обозвал Катю «куколкой», непрерывно ей подмигивал, а принимая экзамен, только что ноги на стол не клал. Вступительный экзамен по истории России и СССР проходил в административном корпусе Педагогического университета имени А. И. Герцена, огромном, сумрачном старинном здании. В аудитории сидели, готовясь, человек пять, остальные психовали в коридоре.

Катя зашла, почти не нервничая, поздоровалась, назвала фамилию.

— Тебе сколько лет, куколка? — весело спросил чернявый, отмечая ее в списке.

— Семнадцать,— буркнула Катя.— Там же написано.

Собственная внешность (а Катя была изящной миниатюрной блондинкой) создавала девушке массу проблем.

Одно дело, когда тебе тридцать, а ты при этом маленькая, белая и пушистая, и совсем другое — в семнадцать выглядеть на пятнадцать...

«В следующий раз скажу „десять“, — подумала она.— Пусть удивляются, какая я умная для своих лет».

— Тяните билет, Малышева,— утомленно сказала тетка.

Катя вытянула, прочитала вопрос и опешила. «Партизанское движение в 1941—1945 гг.».

«Мы же этого не проходили!» — едва не вырвалось у нее, но в последний момент она сдержалась и молча пошла на свое место.

«Ну я и влипла, что за невезение!» — молча возмущалась она, рисуя бессмысленные закорючки на листе черновика. Как можно вообще включать в экзаменационные билеты вопросы, которых не было в учебнике? А если и были, то исключительно «почитать для общего ознакомления». Вот и читали. Теперь Катя сидела и мучительно вспоминала все, что когда-либо в своей жизни слышала о партизанах. Выяснялось, что слышала немного. Жили в лесу. Нападали на тылы врага. Враги их ловили и вешали. Из конкретного — всё, пожалуй.

Самое обидное, что историю ВОВ Катя знала очень хорошо. Могла в подробностях рассказать и про «блицкриг», и про наступление 42-го, и про контрнаступление 43-го, и про «ни шагу назад», и про «десять сталинских ударов», про что угодно... а проклятые партизаны как-то выпали.

Какой идиот вообще придумал сделать вступительным на иняз историю? Кому она нужна? Почему, в таком случае, не физике или ОБЖ? Зачем ей, будущему переводчику, знать основные методы партизанской войны в лесистой части СССР? На ум не приходило ничего, кроме дурных анекдотов: «Как это — война тридцать лет как кончилась?»

А чьи же тогда паровозики мы под откос пускаем?..»

Катя, выждав момент, когда на нее никто не смотрел, обернулась к соседу, русокудруму толстячку в футболке с жизнеутверждающей надписью «Shit happens»:

— Партизанское движение, хоть что-нибудь!

Парень посмотрел на нее круглыми голубыми глазами, подумал и выдал:

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны.

Катя с возмущением отвернулась, прошипев: «Придурок!» Сосед, довольный своим остроумием, захихикал.

— Малышева, вы готовы? — спросили из комиссии.

— Еще минутку, — выдавила Катя, покрывшись холодным потом.

— Вспомнил — Робин Гуд! — послышался шепот остроумца. Катя сначала не поняла, о чем он. Потом, уничтожив его взглядом, подумала и написала на листке: «лесные засады» и «жестокое казни».

— Герильяс! Че Гевара! — шипел сзади кудрявый, продолжая издеваться. Впрочем, может, он искренне хотел помочь. С глубоким вздохом Катя написала «герильяс». Ниже добавила: «„Свобода или смерть!“ — типичный партизанский девиз».

— Девушка, ваше время вышло!

Катя пошла к столу экзаменаторов, как на казнь.

«Главное — не молчать,— думала она,— говорить что угодно, только никаких пауз!» Во всяких памятках для абитуриентов писали, что нельзя говорить «не знаю», надо «затрудняюсь ответить» или «этот вопрос настолько сложен, что не имеет однозначного ответа»... Вспомнив еще одну рекомендацию для абитуриентов — «если не знаешь заданного вопроса, отвечай на тот, который знаешь», Катя откашлялась и уверенным голосом начала издалека:

— Партизанское движение. 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Германским командованием была разработана концепция «блицкриг», или «молниеносная война», предполагающая захват СССР в течение двух недель...

Минуты три Катя красочно, со множеством подробностей описывала события первых недель войны. На четвертой минуте тетка очнулась и сказала:

— Ближе к теме.

— Да. Вот такие планы были у немецкого командования. Но поскольку они сорвались по вышеуказанным причинам, то война перешла в затяжную фазу. Тогда и возникло партизанское движение...

Катя перевела дух и отважно бросилась в омут:

— Партизанское движение существовало во все времена и во всех странах мира. Традиции партизанского движения уходят корнями в далекое Средневековье — достаточно вспомнить такую полуполюгендарную личность, как Робин Гуд... Само слово «партизан» имеет французское происхождение. А, например, в Латинской Америке партизан называли «герильяс»...

— Ваш вопрос — партизанское движение в СССР, а не в Латинской Америке,— строго заметила тетка, которая, кажется, заподозрила неладное. Катя в отчаянии пустилась в абсолютную лирику:

— Обросшие, бородатые воины наводили страх на регулярные части вермахта, пуская под откос поезда, взрывая мосты, устраивая засады на лесных дорогах... С ними безжалостно расправлялись...

Чернявый экзаменатор глянул на Катин черновик и мерзко ухмыльнулся.

— Ну хорошо. В лесах — засады, я поняла,— терпеливо произнесла тетка.— А что из себя представляло партизанское движение в центральной и южной частях СССР?

— Там его не было,— наугад ляпнула Катя.— За отсутствием лесов.

— А как же «Молодая гвардия»? — удивилась тетка.— По литературе ведь наверняка читали?

— Мы ее сейчас не проходим,— нашлась Катя.— Она морально устарела.

Тетка обиделась за «Молодую гвардию» и несколько минут, приводя цитаты, доказывала, что это произведение вечное и что героизм не устаревает. Катя безропотно слушала и запоминала.

— А что вы можете сказать о партизанском движении в Крыму? — продолжила мучить ее тетка.

— Там было то же самое, что и на Кубани. Поскольку уходить было некуда, то молодежь создавала в городах подпольные организации...

— Нет, не то же самое! — Тетка, похоже, разозлилась.— Вы «Улицу младшего сына» читали?

— Да кто сейчас такие книги читает? — заступился за Катю парень.

— А почему бы и не почитать? Если только так можно заставить этих недорослей познакомиться с собственной историей?

— Их история — это «Человек-паук»,— возражал чернявый.— В лучшем случае — «День независимости».

Тетка, морщась, отмахнулась от коллеги и сказала:

— Последний вопрос. Назовите основных лидеров партизанского движения.

— Великой Отечественной?

— Да, конечно!

— Как, всех лидеров?

— Ну, не всех. Только самых крупных.

— А из каких регионов? Лесных, степных?

— Слушай, не тяни время, называй, кого помнишь,— дружелюбно сказал чернявый.

— Ну, на такой обширный вопрос трудно сразу дать однозначный ответ...

Катя морщила лоб, старательно изображая работу мысли. Но в памяти искать было нечего. Когда просят назвать имена, тут «герильясами» не отделаешься.

— Хоть одного назовите,— устало сказала тетка.— Одно имя, и я, так уж и быть, поставлю вам «три» за общую эрудицию.

«Как три?» — испугалась Катя. Она-то рассчитывала минимум на четверку. Она ведь так гладко отвечала, так много всего рассказала, ее так долго слушали...

— Ну?

Рука экзаменаторши потянулась к ведомости.

— Че Гевара,— быстро сказала Катя. Больше ни одного партизанского имени ей на ум не пришло.

В аудитории раздался жизнерадостный хохот. Смеялись все, кроме тетки. Та что-то писала в ведомости.

— Не знает вопроса,— равнодушно сказала тетка, передавая ведомость коллеге.— Абсолютно.

— Плывет,— согласился парень.— Ну что, на этот раз «неуд». Эй, ты чего, плакать собралась? Да ну, перестань! Это ж не конец света, в армию тебя не загребут, запишишь на подготовительные курсы и приходи на следующий год...

Глава вторая

Катя попадает на вечеринку и знакомится с «Кровавой Мэри»

— Я нашел отличный способ напиться на халяву,— говорит один тролль другому.

— Это как?

— Приходишь в гости к эльфам или людешкам и говоришь: «Что-то я нынче никак решить не могу: то ли выпить мне, то ли закусить?»

И все тут же бегут к тебе с дармовой выпивкой.

Катя вышла из аудитории, кусая губы; потом бродила по этажу, ожесточенно хмурясь и бормоча «наплевать»; долго смотрела бессмысленным взглядом в какое-то окно; и в конце концов, выйдя во двор, села на поребрик и тихонько заплакала.

Через некоторое время к ней подкатился давешний придурок.

— Наплюй на них! — заявил он.— Подумаешь — «неуд»! На договорное перекинь документы и не парься. А здорово ты их грузила! Че Гевара, это круто!

Катя подумала, что он издевается, но кудрявый толстячок говорил абсолютно искренне.

— Кончай реветь, короче! Пошли оттягиваться!

Парень Кате не нравился, но идея возвращаться в общежитие, собирать вещи и готовиться к отъезду домой ей нравилась еще меньше. Поэтому она сказала: пошли.

Спустя полчаса Катя уже шла куда-то в компании незнакомых и полужнакомых абитуриентов, которые шли нестройной толпой по Невскому, громко галдя и перегородив весь тротуар. Ядро компании составляла группа из пяти человек — две девочки и три парня, как выяснилось бывшие одноклассники, поступавшие с гарантией,— из договорного класса. Для них сегодняшний экзамен был последним, и они могли уже считать себя зачисленными. Это дело они и собирались отмечать и приглашали всех желающих, каковых нашлось предостаточно. Всем было что праздновать. Кроме Кати.

Компания миновала Казанский собор и свернула налево, на канал Грибоедова. Возле Спаса на Крови свернули еще раз, зашли в супермаркет и накупили всякой всячины. В пешеходной зоне на Малой Конюшенной компания остановилась у роскошной кованой решетки. Кудрявый остроумец — его, как выяснилось, звали Сережа — набрал код на замке, и будущие студенты, проникнув во двор, столпились перед тонированной стеклянной дверью. Сережа открыл ее своим ключом и с поклоном предложил всем заходить.

— Обувь снимайте при входе! Тут как в Японии! — крикнул он.

Катя слегка растерялась. Она думала, что они идут к кому-то в гости, но то место, где они оказались, меньше всего напоминало квартиру в традиционном смысле слова. Это было только что отремонтированное, совершенно пустое полуподвальное помещение. Все стенки в нем были зеркальными, а пол устлан серым войлоком. Потолок был, как созвездиями, усеян крошечными лампочками. Под потолком виднелись узкие окна, за которыми мелькали ноги прохожих. В подвале царил загадочный полумрак.

«Может, так живут питерские богатеи?» — подумала Катя. Она была заинтригована. Как там называется этакое богемное жильё без мебели и внутренних стенок — студия?

Гости разбрелись по подвалу. Почти никто не заинтересовался интерьером. Гораздо больше всех занимало содержимое пакетов с едой и выпивкой.

— Это ваш дом? — преодолев смущение, спросила Катя у Сережи.

— Ну ты сказала! — развеселился Сережа.— Дом! Офис здесь будет. Или бутик. У меня отец занимается субарендой недвижимости. Вот доделает ремонт — и сдаст.

— Теперь уже не сдаст,— сказал кто-то,— потому что завтра тут останутся только живописные руины.

— Только попробуйте! — всполошился Сережа. — Эй, слышите меня все! Чтобы ни одной царапины! На пол не плевать, ничего не ронять и не проливать! Наташка, ты совсем ошизела — хлеб на газетке режь! Курить на улице, окурки перед входом не бросать!

Вскоре девчонки накрыли «стол» — как в турпоходе, расстелили газету и заставили ее пластиковыми тарелочками с нарезкой, овощами, банками с консервами и прочей снедью. Выпивки тоже было припасено немало, самой разной, от водки до мартини.

— Ну чё, за экзамен! — объявил первый тост Сережа.

У Кати мгновенно испортилось настроение. Пить, есть и вообще участвовать в чужом празднике жизни ей сразу расхотелось. Она сидела на мягком полу, рассматривала веселящихся абитуриентов и думала о своем мрачном будущем.

«Им хорошо, — думала Катя. — Они, считай, уже поступили. Будут вместе учиться, ходить друг к другу в гости, передружатся, будут влюбляться друг в друга. А я тут в первый и последний раз. Завтра соберу вещички — и домой, в Псков».

Может быть, еще не поздно подать документы в Псковский педагогический. У мамы там, кажется, даже были знакомые. Катя как наяву увидела здание института — коричневый пятиэтажный колосс в стиле «провинциальный сталинский ампир» с памятником «Ленин, швыряющий кепку в реку Пскову» перед главным входом. В Псковский педагогический пошли многие ее одноклассницы — те, что без особых амбиций. Не самое плохое учебное заведение. Мама его заканчивала. Но мама же с девятого класса настраивала дочку на то, что Псков для нее, такой способной и умной, тесен и убог; что она обязательно должна учиться в Петербургском университете.

Мысли о Пскове вызвали в Катиной душе прилив ярости. Нет, куда угодно, только не домой. Позорище-то какое, на всю оставшуюся жизнь! Вернуться — значит расписаться в том, что неудачница. Мама будет ужасно разочарована. Зачем, скажет, на курсы английского тебя отдавали, да еще на такие дорожки. А папа, наоборот, одобрит — ну и молодец, нечего тебе делать в Питере, сиди-ка ты под крылышком у родителей.

Катя поступит в местный пед, пойдет учительницей в школу, выйдет замуж и будет пахать, как родители, год за годом, до самой смерти... Стало так обидно, что слезы навернулись на глаза.

— Правильное образование — это девяносто процентов жизненного успеха! — заявила безапелляционным тоном какая-то девчонка, перекрывая шум болтовни.

— Иняз — лучший факультет Герцена, — заметил кто-то.

— Не лучший, а единственный более или менее приличный, — пренебрежительно бросила девчонка. — Хоть английский будем знать. А уж с английским я не пропаду.

Катя присмотрелась к говорившей. Это была темноволосая, кареглазая, довольно красивая девушка, которая казалась старше, чем прочие ребята, — может быть, из-за манеры вести себя или одеваться. Особенно Катю поразили ее сапоги: леопардовые, на золотистых шпильках, украшенные свисающими с голенищ цепочками.

— Это кто? — шепотом спросила она Сережу.

— Лейка, из нашего класса, — ответил он, глянув на брюнетку.

Девушка со странным именем Лейка тем временем распространялась о том, как трудно нынче найти хорошую работу, особенно выпускнику педагогического института.

— Не в школу же, в самом деле, идти! — с глубокой убежденностью воскликнула она.

Такой неприкрытый цинизм насмешил Катю, хотя она тоже после иняза преподавать — во всяком случае, в школе — не собиралась.

— А я видела вчера в «Макдоналдсе» такую газету — «Карьера», — заявила круглолицая темноглазая девочка, сидевшая напротив Кати. — Я заглянула — там полно отличных вакансий...

— Искать работу через газету или Интернет — это для лодов, — возразил длинный парень с другого конца стола. — Я вот слышал про рекрутинговые агентства. Отправляешь туда свое резюме, садишься и ждешь.

— Только его надо правильно составить. Это целая наука — составлять резюме! — с жаром подхватила темноглазая девочка и начала рассказывать о том, как составлять резюме. Кате показалось, что она где-то это уже читала, причем совсем недавно.

— Все это ерунда — собеседования, конкурсы, резюме, — отрезала Лейка. — Нормальную работу находят только через знакомых. А в нормальную фирму не берут с улицы. Так что общайтесь связями.

— А вы не знаете, на какую работу может рассчитывать человек без образования? — неожиданно спросила Катя.

На мгновение все замолчали.

— Я решила пойти на подготовительные курсы, — пояснила она, застенчиво улыбаясь Лейке и темноглазой девочке. — И одновременно устроиться на работу.

— Это та, которая сегодня про Робин Гуда бредила,— громким шепотом сообщил кто-то на дальнем конце стола.

Катя покраснела.

Лейка несколько секунд разглядывала ее, словно диковинное насекомое.

— Ты иногородняя, что ли?

— Из Пскова.

— А жить ты где будешь? У родственников?

— У меня тут родственников нет.

— Папа квартиру купит?

Катя отрицательно покачала головой. Если бы у папы были такие деньги, он бы в первую очередь заплатил этой тетке из комиссии. Хотя нет, не заплатил бы. Папа у Кати принципиальный.

Катя в глубине души подозревала, что он считает: женщин образование только портит.

— Пусть поступает сама, если приспичило,— сказал он, еще когда мама намекала насчет знакомств в Псковском педагогическом.— Мы сами поступали, и она поступит.

— Но сейчас же совершенно другое время,— говорила мама.— Без денег никуда...

Вот поэтому Катя не стала даже пытаться поступить в универ. А что толку?

— Я сама сниму квартиру,— заявила она.

Лейка смотрела на Катю, как на дурочку:

— А деньги откуда возьмешь?

— Я же говорила — устраюсь работать.

Лейка покачала головой:

— Без образования? Ну-ну. Кем? Контролером в троллейбус?

— Лучше спонсора себе найди,— дружески посоветовал длинный парень, с интересом поглядывая на Катю.— Как же так — чтобы такая красивая крошечка, и без спонсора? Вон, моя сестра рассказывала, что ее подругу один мужик всё в Москву с собой звал — квартиру обещал купить и турфирму...

— А турфирму-то зачем?

— А чтобы не скучала. Сидит девушка дома целыми днями, скучает, всякие мысли появляются легкомысленные...

— Да это он так, обещал...— с оттенком легкой зависти заметила Лейка.

— Она сама отказалась. Этот спонсор, говорит, женатый был. В общем, не перспективный...

— Ты знаешь, сколько стоит сейчас в Питере снять квартиру? — перебила его Лейка, снова обращаясь к Кате.— А какая зарплата у кондуктора?

— Почему обязательно кондуктора... — неуверенно сказала Катя и задумалась.

Лейка тоже задумалась.

— Эй, никто не сдает комнату дешево? — вдруг громко спросила она.

Никто не отозвался — все были заняты своими разговорами.

— Ступай ко мне жить, — предложил вдруг длинный парень. — Почти бесплатно... не считая денег, ха-ха.

— Сережка, у тебя же отец недвижимостью занимается, — не сдавалась Лейка.

— Да ты что! — испугался Сережа. — У него только офисы от ста квадратных метров...

— Не надо, — уныло сказала Катя. — Я сама найду, по объявлению.

— Никого не слушай, все будет ништяк, — подбодрил ее Сережа. — Хватит тут сидеть как на похоронах. Мартини хочешь?

Остаток вечера запомнился Кате не очень хорошо. Болтали, пили и ели, ходили за добавкой; на обратном пути кто-то пытался нырнуть в канал Грибоедова, ныряльщика ловили за штаны, и всем было очень весело. Вернувшись, пытались устроить танцы, но большинство парней напилось настолько, что с трудом стояли на ногах.

Потом снова сидели на полу и, кажется, играли в «мафию». Захмелевшая Лейка, заиклившись на квартирном вопросе, учила Катю жизни:

— Запомни раз и навсегда — если отец купит тебе квартиру, ни в коем случае! ни за что! не прописывай туда никаких мужиков! А то они так и норовят! Только об этом и думают! Думаешь, ты им нужна? Так только дуры наивные считают. Нет, деньги папочкины!

В какой-то момент прибежал Сережа и сообщил:

— Вспомнил! Есть у папаши один офис. Абсолютно неликвидный, хотя и центр, окна на Невский. Пол кривой, стены кривые, потолок течет, а чинить нельзя, потому что мансарда, и надо менять всю крышу. Дом хороший, из старого фонда... Все квартиры ушли, а эта уже полгода висит, отец на нее рукой махнул. Сложил там какое-то барахло... Ну, там и жить можно. Плита, холодильник... По-моему, даже компьютер старенький стоял... Я скажу отцу, что ты платить не можешь. Но хоть присмотришь. Может, он тебя зачислит — офис-менеджером. Число номинально. Для уверенности, чтобы не просто девушка с улицы. Хотя воровать там вообще-то нечего...

— ...Какая хорошая девушка эта Лейка! — заплетающимся языком говорила Катя темноглазой.

Они стояли (темноглазая курила, а Катя просто стояла — за компанию) перед стеклянной дверью.

Полированные мраморные ступеньки были заплеваны и засыпаны окурками, но Сережа по этому поводу не высказывался, поскольку давно уже уснул в уголке прямо на полу. Несмотря на двенадцатый час, на улице было совсем светло. На бледно-голубом небе висела огромная яркая луна.

— Такое странное имя — Лейка...

— Вообще-то она Лейла,— уточнила темноглазая.— Но ее с первого класса Лейкой зовут. Все привыкли, и она тоже.

Темноглазая еще что-то говорила, но Катя ее перебила:

— Я говорю: хорошая она, ваша Лейка! Помогла мне найти жилье, абсолютно бескорыстно!

— Ха! — фыркнула темноглазая, качнулась, едва сохранив равновесие.— Бескорыстная! Будешь теперь сидеть сторожем на чердаке с дырявой крышей. А у Лейки, между прочим, своя квартира есть, трехкомнатная,— продолжала темноглазая с откровенной завистью.— Она там сейчас одна живет — родители уехали! Небось к себе тебя жить не пригласила...

Потом Катя обнаружила, что на улице (надо же!) — все-таки стемнело!

Последнее воспоминание: всё, как в тумане, а из тумана голос толстого Сережи:

— ...А «Кровавая Мэри» делается так...

Глава третья

Катя просыпается в новом жилище и знакомится с «бандитом-целителем» по имени Карлссон

Однажды пасмурным утром девушка по имени Трутти-Корзинка-Со-Сладостями подошла к подножию полого холма в окрестностях города Ювяскюля и увидела там здорового красноногого тролля, ковыряющего в зубах кочергой.

Трутти-Корзинка-Со-Сладостями в смущении остановилась.

— Простите,— пробормотала она.— А разве здесь не эльфы живут?